

«И ТОЛЬКО ТЫ, СВОЕЮ ЖИЗНЬЮ ТОЛЬКО...»

Нина Александровна Ягодинцева родилась в Магнитогорске. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Кандидат культурологии, профессор Челябинского государственного института культуры, секретарь Союза писателей России. Автор более 30 изданий: стихов, цикла учебников литературного творчества, монографий, вышедших в России и Германии, электронной книги литературной критики, переводов с азербайджанского и башкирского языков, аудиодисков со стихами и песнями, а также более 700 публикаций в литературной и научной периодике России, Испании и США. Лауреат Всероссийских и Международных премий в области литературы и литературной критики, художественного перевода, научных исследований и творческой педагогики. Живёт в Челябинске.

Как за Масленой мело,
 как пути переметало!
Неприметное село
 к ледяной Оби пристало.
Только крыши да дымок
 в месте этом незнакомом.
На реке стальной замок
 в цепи белые закован.

А на Маслену, небось,
 здесь цвели костры да шали,
Как заходит в избу гость —
 всё блинами угощали,
И морошка на меду
 в чашках писаных светилась,
И до проруби во льду
 солнце в саночках катилось.

Обь-река разоспалась,
 да уже пора к заботам —
Собирать сырую бязь
 по дорогам-огородам.
Сколь снегов ни полегло,
 а весне всё будет мало —
Так за Масленой мело,
 так над Масленой сияло!

В грязных берцах, широких
чёрных штанах,
Куртках с жёлтыми буквами
на спине,
Пересыпая словечки от бэ до нах,
Они идут по своей войне:
Бинтуют раны, курят в кулак,
стреляют из-за угла —
Такие дела.

Вокруг супермаркет, ткани,
туфли и сумочки от кутюр,
Или, скажем, пешеходная
улица, выходной,
Полно детей, старушек и всяких
беспечных дур
На каблуках и в шляпках...
И тут они со своей войной.
И в тёплый воздух врывается
ледяной.

Как наложение в фотошопе,
или технический сбой портала,
Или музыка, упавшая на три
октавы
В прах и скрежет, в тиски
смотровых щелей,
В алый кирпич и доски свежих
развалин.

Мы слишком привыкли
к миру. Жалей или не жалей —
Он нерелевантен.

Так занавеску срывает взрывной
волной —
И на грязные берцы, тлея,
падают клочья.
Вот реальность. Она никогда
не была иной,
И кто-то сейчас видит её воочью.

Мы не наивны. Мы честно
предпочитаем ложь.
И нам пока ничего не мешает,
ну разве кроме
Этих, в чёрном, идущих сквозь
праздник жизни, как нож
Сквозь тёплый хлеб, оставляя
крошки и капли крови.

Шёл циклон. Гудели самолёты.
Бился на ветру сырой картон.
Ночь свою неслышную работу
Молча отложила на потом.

Отложила молча, не гадая,
Будет ли когда ещё нужна...
И во сне лежала молодая
Северная гулкая страна.

В сердцевине марта, в седловине,
Над ложбинкой горного хребта
По незримой лунной половине
Пролегла туманная черта.

Под чертой темнели лес и поле,
За чертой светился грозный гул,
И делили мир на до и после
Те, кто спал, и те, кто
не уснул...

Судьба России — тёмная вода.
Но свет в неё сойдёт —
и ты увидишь:
У запертых ворот в забытый
Китеж
Заходится в слезах душа-
подкидыш,
И неутешна детская беда...

Навстречу ей волна колоколов
Раскачивает гулкую остуду,
И вот уже идут из ниоткуда
Засадные полки заветных слов —

Тушить пожары в храмах
и домах,
Гасить лихой огонь в созревших
нивах,
Бессильных поднимать, будить
счастливых,
Гнать из души холодный
липкий страх...

Спадёт огонь, утихнет боль
могил —
И звон уйдёт, как прежде
уходил,

До той поры, пока на Божий суд
В сиротских ветхих, выцветших
пелёнах,
В младенческих слезах
неутолённых
Новорождённый век не принесут.

Взглядом ловишь —
а очи неймут:
Не собрать этой радостной дани
Лёгким щebetом праздных
минут,
Чередой оправданий.

В мягком шелесте майской
листвы —
Золотисто искрящем прибое
Так светло — не поднять головы
В ослепительно голубое...

Но прихлынет холодная тишь
Из глубин этой праздничной
сени —
И с пустыми руками стоишь
В гуще ярмарки у карусели,

Где на каждой лошадке —
плюмаж,
Стременные золочены кольца,
Где бравурно заявленный марш
Всё не может никак успокоиться.

Пасмурно, томительно,
бесснежно,
Пустота — а не видать ни зги.
Острый холодок вдыхая спешно,
Ветер ищет лежбище пурги.

Вот она, разбуженная, встала,
Вот она полнеба обняла —
И вокруг горячего оскала
Задыхала розовая мгла.

Задыхала, полем заходила,
Мягко смяла горлышко воды
И в одно мгновение поглотила
Чьи-то одинокие следы.

Бледною, бессильною луною
На короткий миг освещена,
— Выходи поговорить со мною! —
Равнодушно требует она.

Знаю, что ни правдою,
ни ложью,
Ни наивной речью нараспев
Не пройти навывлет бездорожье
На почти немислимый рассвет.

Только из былого в небывлое
Выйти молча на высокий Суд,
Где слова очнутся, вспомнят
Слово,
Встанут на молитву — и спасут.

Словно зимы песнопением
прерванным,
Воздух цветеньем неистовым
вспенен.
По деревянным, скрипучим,
серебряным
Трём на веранду ведущим
ступеням

Можно подняться — но дверь
заперта ещё,
Ключ в тайнике с прошлогодней
листвою...
Айсберг апреля, стремительно
тающий,
Кружится облачком
над головою.

Каждым цветком и травинкою
каждою
Учится мир просыпаться
счастливым.
Руки возденешь — и хлынет
над жаждою
Бурного лета неистовый ливень!

И никогда не узнаешь,
зачем это,
Может быть, просто взглянув,
удивиться
Щедрой горсти неумолчного
щебета,
Нежно мерцающего пересвиста...

Ложится карта севером на юг.
Восходит солнце из горячих
вьюг —
Румяное, в прозрачной белой
пене...
И новый день является из тени,
И мы себя в грядущем видим
вдруг.

Россия, здравствуй!
Родина, прости —
И века мало, чтобы дорости
До смысла твоего, до русской
боли,
И ропщем мы, наивные:
доколе? —
Сжимая землю горькую в горсти.

Всё сбудется как должно.
Но сперва
Погибнут числа. Оживут слова.
И вспыхнет речь —
сквозь пламя этой речи
Пройдёт бесстрашно сердце
человечье,
А следом — звери, птицы, дерева.

Нам некуда отсюда уходить.
Забором чисел не загородить
Грядущую высокую эпоху.
Да, здесь царят покуда страх
и похоть,
И нужно этот век опередить.

Когда-то был и Рим боготворим...
Но мы его судьбу не повторим —
Мы не уроним звёзды с наших
башен.
Порядок цифр стремителен
и страшен —
Но с каждым днём мы громче
говорим.

А здесь когда-то сирень была —
и ласка её, и тень...
Выбелено до серебряного
дереву старых стен.
Взглядом коснёшься — бархатно,
приложишь ладонь — тепло...
И время стоит непахано,
крапивою поросло.

Здесь когда-то и я была,
пила молоко и мёд.
Неслышно подходит яблоня,
ладонь на плечо кладёт.
Я помнила о тебе, говорит,
важно ли, сколько лет? —
И яблочко мне протягивает,
румяное на просвет.

Короткою или долгою разлука
наша была —
Ранетка её медовая мне душу
насквозь прожгла,
В вечернее небо выпала —
дарена, да не мне —
И звёздочкой малой выплыла
на сумеречной волне.

Насквозь прошивая смутное,
наивным светом дрожа,
В вечернее время — утренняя
доверчивая душа.
И кажется, до полуночи ей
не удержаться там...
Но звёзды считают иначе
и не открывают тайн.

Вязкая тревога — словно вызрела
В воздухе чудовищная ложь.
Тьма стоит на расстоянье
выстрела —
Дальше ни на шаг не отойдёшь..

И её не уличить в обмане нам —
Тьме, похоже, просто всё равно,
Кто в её прицеле затуманенном
Двигается как светлое пятно.

Часовые сняты, псы
прикормлены —
Но за этой страшной тишиной
Мы стоим, предчувствием
прикованы
К тайным рубежам земли родной.

Лишь на ней, весенней силой
вспоены,
Сомкнуты корнями как трава,
Смогут удержаться наши
воины —
Наши чувства, мысли и слова.

Ещё немного снега — а потом
Вернуться в дом, младенчески
жалая,
Что без тебя пустынная аллея
Не выведет к беседке
над прудом —

Заблудится в сугробах, забредёт
За молодые заросли акаций
И никому не будет откликаться,
С густых ресничек смаргивая
лёд.

Как будто замкнут на душе твоей
Незримый контур для земного
тока,

И только ты, своею жизнью
только
Смысл придаёшь сейчас себе и ей.

И первый снег — куда ему теперь
Идти по тишине невыразимой

Через свои бесчисленные зимы —
И молча одиночество терпеть?

А первая синица у окна?
Она на прошлогоднюю кормушку
Не к семечкам летит,
а потому что
С тобою хочет свидеться она...

Жизнь без тебя смутна и неясна.

Ты это знаешь, и тебе тепло...
Отряхивая шубку и сапожки,
Ты говоришь себе: я выйду позже.
Выходишь позже.
Всё уже прошло.

В захолустный городок зазывают
буквы «Welcome!»,
Но не гневом, а огнём
вспыхивает голова,
И катается во рту ледяная
карамелька,
Остужая на лету раскалённые
слова.

Что-то вышло не к добру
на чужом пиру веселье.
Вроде чарку поднесли —
да плеснули мимо рта.
Дни пронзительно скрипят,
как на ржавой карусели,
И потерянно молчит вся
родная красота.

Вот споткнулись же глаза
о чужие эти буквы!
Кто кого сюда зовёт —
на охоту, на пикник?
Дальше будет пост ГАИ, небеса
в стеклянной будке,
Но теперь, похоже, нам в самом
деле не до них.

Это нынче месяц май,
а нахлынут непогоды,
Кем кому придётся стать, душу
надвое деля, —
Перевозчиком теней через
призрачные воды?
Провожатым сквозь метель
до ближайшего жилья?

